

10. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 926 с.

Abstract. In the article on the basis of phraseological units of the Belarusian literary language with a lexeme component with the root *-god-*, the means and ways of conceptualizing the sacred in phraseological units, the place and role of the sacred as an ideological category in the life of a Belarusian are revealed.

Keywords: phraseological unit, component, God, sacred.

УДК 811.161.1'22'27:39(571.5)

Н. А. Лиханова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Аннотация. В работе представлен региональный паремиологический фонд Восточной Сибири. В качестве источника исследования выступает этнографический материал Г. М. Осокина «На границе Монголии». Данный труд содержит уникальные паремии, анализ которых показал, что они стали «свидетелями» жизни населения забайкальского региона. В представленном паремиологическом материале репрезентирована уникальная этнокультура региона.

Ключевые слова: этнографические и лексикографические источники, региональный языковой материал Восточной Сибири, пословицы, приметы-пословицы.

В развитии любого региона языковые проблемы можно в полной мере понять и оценить только в контексте его культурного и исторического развития, характера освоения этих территорий этническими группами. В данном случае основными признаками интегративного контекста являются междисциплинарность, антропоцентричность и комплексность описания языкового материала.

Когда-то идея интеграции языкознания и этнографии была представлена Н. И. Толстым, который указывал «на роль языка в формировании народной культуры, на необходимость во многих случаях изучать лексику в тесной связи с этнографическим анализом, на экспансию методов лингвистики в этнографии» [1, с. 398]. А. С. Герд обратил особое внимание в рамках этнолингвистического подхода на то, что «лингвистику и этнографию роднит уже сам подход к народной культуре. Этнограф избирает предметом своего анализа те или иные объекты из области материальной и духовной культуры, которым в языке соответствуют отдельные слова и лексико-семантические группы слов» [2, с. 60]. В поле изучения языкового материала актуальными и востребованными стали исследования, которые проводятся в русле регионального осмысления, призванного изучать паремиологическую базу с позиции выявления этнолингвокультурных черт на определенной территории. В этом случае привлекаются не только лексикографические данные, но и архивные документы, этнографический контекст, региональная литература и др. В условиях Восточной Сибири, и в частности Забайкалья, паремиологический фонд получил специфическое развитие, обрел зримые локальные черты, не выходя за пределы общерусских традиций, но имея свои уникальные особенности. Паремиологический фонд языка достаточно широко репрезентирован учеными. Здесь охватываются «пословицы, приметы, загадки, присловья, представляется и набор ситуаций, отражающих межличностные отношения. Паремиологический фонд несет информацию культурологического и прагматического содержания и образует паремиологическую картину мира, которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт» [3, с. 35].

Одним из источников изучения региональных паремий выступает этнографический материал – труд Георгия Михайловича Осокина «На границѣ Монголіи» [4]. В работе исследователь описывает географическое положение территории, историю развития края, рассказывает о составе населения. Репрезентируется духовно-нравственная жизнь «русскаго населенія», бурятского этноса, «населенія приграничной полосы», «русских в Монголии». Представляется «народный эпосъ», сказки, «суевѣрія, поверѣя, примѣты, поговорки», обрядовая культура. Фактически говоря, труд раскрывает формирование региональной картины мира как части национальной картины мира через этнографический взгляд ученого. Г. М. Осокин выступает как лексикограф, представляя 554 лексемы в «Словаре мѣстныхъ забайкальскихъ словѣ» в рамках своего очерка. Уникальным в его книге видится также тематический «Перечень народныхъ лекарственныхъ средствъ Забайкалья», где содержится информация о сборе трав и рецептура их приготовления, систематизируется опыт применения в качестве исцеления минеральных источников.

Г. М. Осокин в этом отношении сумел интегрировать этнографический и лингвистический контекст, который и сформировал первое представление о «речи сибиряка и ея особенностях». Вот как описывает опыт наблюдения за речью этнограф: «прислушиваясь к рѣчи сибиряка вообще и забайкальца в частности, нельзя не замѣтить нѣкоторого своеобразія въ выговорѣ, интонаціи и употребленіи словъ сибирскаго народа» [4, с. 130]. Речь формировалась под влиянием первых завоевателей Сибири – сибиряков, сосланных семейских – старообрядцев, коренного населения – бурят и оказывало свое влияние на речь приграничного населения Китая и Монголии. Обратим внимание и на тот момент, что труд Г. М. Осокина не становился комплексным объектом изучения этнолингвистического направления, где происходит слияние лингвистического и этнографического материала в единое целое звено, которое отражает систему ценностей народа.

Исследование показывает, что Г. М. Осокин в своем этнокультурно-историческом памятнике смог отразить региональный паремиологический фонд. Автор размышлял об особенностях языковых «параллелей» следующим образом: «наблюдательность буряты въ частной жизни выразилась отчасти въ его нѣкоторыхъ типичныхъ пословицахъ и поговоркахъ. Много есть пословицъ и перешедшихъ отъ русскихъ въ передѣланномъ видѣ <...> например, поговорку: “Тихе ѿдеши – дальше будеши”, буряты замѣнили своей “Хотѣль покороче – пробѣхаль три ночи” или “Чѣмъ журавля въ небѣ – лучше синицу въ руки” измѣнили такимъ образомъ: “Лучше сегодня съѣсть осерд’іе – чѣмъ завтра сулить курдюкъ”, следующая “Скоро сладить – еще скоро разладится”, что значит “Поспѣшишь – людей насмѣшишь”, следующий пример, где отражаются популярные бурятские имена – “Куда Даржей, туда и Санджей”, близко подходит къ русской поговоркѣ – “Куда ракъ съ клешней, туда и конь с копытомъ”. Далее выражение “Свою юрту и ребенокъ снесет” аналогично, что “Своя ноша не тяжела”» [4, с. 226].

Далее этнограф репрезентирует пословицы и поговорки, замечая, что они присутствуют в речи бурятского этноса:

- Сѣтъ – и баранъ невкусенъ, голоденъ – такъ и копыто сойдетъ за курдюкъ;
- Барануху сколько ни спускай (ни скрещивай) с конемъ – жеребенка не принесет – т. е. какъ ни трудись, съ глупым не дождешься добра;
- Вѣришь – бурханъ родится; не вѣришь – чорта растишь, т. е. что невѣріе губительно для людей;
- Лама за юртой пѣсни поетъ – т. е. что кто-либо взялся не за свое дѣло;
- Иноходець рыситъ (бѣжитъ рысью) и коровы обгоняетъ – т. е. за свое дѣло не берись [4, с. 227] и др.

В пословичном материале отражена информация и об отдельных региональных лексемах Восточной Сибири: *курдюк*, *бурхан*, *юрта* и др. В лексикографическом труде В. И. Даля, например, *курдюкъ* – ‘хвостъ, въ которомъ бываетъ до 30 ф. сала; два саль-

ные наросьта на ягодицахъ, по бокам хвостика’, встречается выражение *курдючное сало* у степных народов [5, т. 2, с. 225]; *бурханъ* – в монгольском, калмыцком языках обозначает ‘идолъ’ [5, т. 1, с. 116]; *юрта* в словаре репрезентировано как ‘кочевой шалашъ, балаганъ разного рода’, уточняется автором, что название это дано русскими с монгольского. И юртой зовут именно жилище кочевых инородцев в восточно-сибирских говорах [5, т. 4, с. 690]. Таким образом, мы получаем достаточное представление о функционировании и особенностях «жизни» региональных слов.

Пословичный материал содержится также в приметах как составляющих паремиологического фонда, которые репрезентует этнограф: «нѣкоторыя изъ примѣтъ встрѣчаются въ формѣ прибаутокъ, поговорокъ и пословиць» [4, с. 111]. Исследователь И. В. Киселева определяет этот жанр терминологически как «приметы-пословицы» [6, с. 95], в них выявляются разные стороны жизни человека в определенный период его исторического развития.

Заметим, что приметы Г. М. Осокиным внутри этнографического материала тематически структурированы: «Рождене ребнка», «Бракъ», «Смерть и похороны», «Повѣрья и примѣты на разные случаи жизни», «Примѣты на погоду». Эта тематика позволяет поразмыслить над тем, что этнограф достаточно внимательно наблюдал за процессом жизни, речи в Восточной Сибири. Среди примеров выделим такие: *Сова кричитъ, собака воетъ* – указывает на приближающуюся смерть. В пословице отмечается наблюдательность, анализ народом природных явлений, которые несли трагедию. Несчастье «сулили», по словам этнографа, и явления, отраженные в приметах *Звонъ въ ухахъ* – о приближающей смерти кого-то из родственников, *Домъ трецтит* – к несчастью или к покойнику. Автор приводит также приметы-пословицы *Пѣтухъ кричитъ не въ урочный час, курица роется в землѣ, собаки лѣнны и спѣтъ* – в сознании жителей Забайкалья такое поведение животных предвещало дождь; *Лошадь ночью ржетъ, корова мычитъ* – указывает на пожар [4, с. 109–110] и др. Пословица таким образом «превращается» в примету (или наоборот), что может объясняться близостью поджанров паремиологического фонда.

Говоря об этнолингвокультурной специфичности паремиологического фонда, обозначим важную проблему, которая касается отражения пословиц в различных источниках. Как правило, диахронический подход в видении специфики единиц пословичного фонда определенного языка сегодня, «во-первых, недостаточно репрезентативен, поскольку часто отсутствует необходимая фактическая информация (в силу различий в глубине паремиографического описания пословичных фондов разных языков), во-вторых, методологически необоснован, поскольку исследования в области истории и этимологии пословиц еще во многом остаются в области экстралингвистических интерпретаций (на основе этнографической, исторической, социокультурной информации)» [7, с. 997]. Таким образом, современные исследователи все чаще актуализируют мысль об использовании комплексных знаний при исследовании языкового материала.

Мысль об интеграции этнографии и лингвистики прозвучала в контексте данной работы следующим образом:

- этнографический материал становился базой для лексикографирования региональной культуры, которая была заложена первопроходцами Сибири, оседлыми поселенцами из всех уголков России, Белоруссии, связавшими свою судьбу с Забайкальем;
- контекст этнографических данных указывает на историческое развитие культуры коренного народа Забайкалья (буряты, эвенки), которое не стало всеобъемлющим в Восточной Сибири, но оказало существенное влияние на региональные особенности языка;
- Г. М. Осокин в своем этнографическом труде «На границе Монголии» отразил артефакты, которые могут стать основой ряда лингвистических работ;
- пословицы, приметы-пословицы, отраженные в разных эпизодах этнографической работы Г. М. Осокина, являются частью лингвокультуры населения Восточной Сибири.

Список использованных источников

1. Толстой, Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н. И. Толстой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 40. – № 5. – С. 397–405.
2. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику / А. С. Герд. – СПб. : СПбГУ, 2005. – 280 с.
3. Антонова, Е. Н. Паремология без границ : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимировна и др. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
4. Осокин, Г. М. На границѣ Монголии. Очерки и материалы къ этнографіи юго-западнаго Забайкалья съ рисунками / Г. М. Осокин. – СПб. : Типографія А. С. Суворина, 1906. – 304 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4-х т.]. – 8-е изд. – М. : Русский язык, 1981.
6. Киселева, И. В. Правый и левый в пословицах и приметах / И. В. Киселева // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 94–97.
7. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 996–1035.

Abstract. The paper presents the regional paremiological fund of Eastern Siberia. The ethnographic material of G. M. Osokin “On the border of Mongolia” is presented as a source of research. This work contains unique proverbs obtained by sampling from contextual material. The analysis of proverbs showed that they became “witnesses” of the life of the population of the Trans-Baikal region in the conditions of the borderlands. The presented paremiological material reflects the specifics of the speech of the population, the dialect words that formed the ethnoculture of the region.

Keywords: ethnographic and lexicographic sources, regional linguistic material of Eastern Siberia, proverbs, a sign is a proverbs.

УДК 811’373:398.92:128

В. А. Маслова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ – «ДУША» ЛЮБОГО ЯЗЫКА, А В ЧЕМ «ДУША» ФРАЗЕОЛОГИЗМА?

Аннотация. В статье показано, что «душой», основой фразеологизма, на которой держится и культурная коннотация, и образ фразеологизма, и другие составляющие модели, предложенной В. Н. Телия, является квазисимвол. Выявление механизмов формирования образно-символьной составляющей поможет лучше понять когнитивную деятельность языковой личности.

Ключевые слова: фразеологизм, образ, метафора, символ, квазисимвол.

Ответом на поставленный вопрос и будет намеченная актуальная область исследования фразеологии, работы по которой есть в России (В. Н. Телия, Г. В. Токарев и др.), но не известны в Белоруссии. Мы рассмотрим образ, метафору, символ и квазисимвол и их роль в формировании фразеологизма. Все названные сущности служат для выражения глубин нашего миропонимания и способны приоткрыть тайну механизмов создания знаний, закрепленных во фразеологическом составе языка. В. Н. Телия еще в конце прошлого века писала: «Система образов служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения» [1, с. 215]. Как видим, В. Н. Телия на первое место ставила образ фразеологизма, а метафора и символ у нее были средствами создания образности во фразеологии.

Так что же важнее: образ, метафора, символ или квазисимвол? Решив данный вопрос, мы выявим роль названных явлений в формировании фразеологических единиц, во-первых, и важный способ представления ментального мира человека, во-вторых.

Представляется, что начать разговор следует с анализа термина «символ». Ю. М. Лотман писал, что «слово “символ” одно из самых многозначных в системе се-